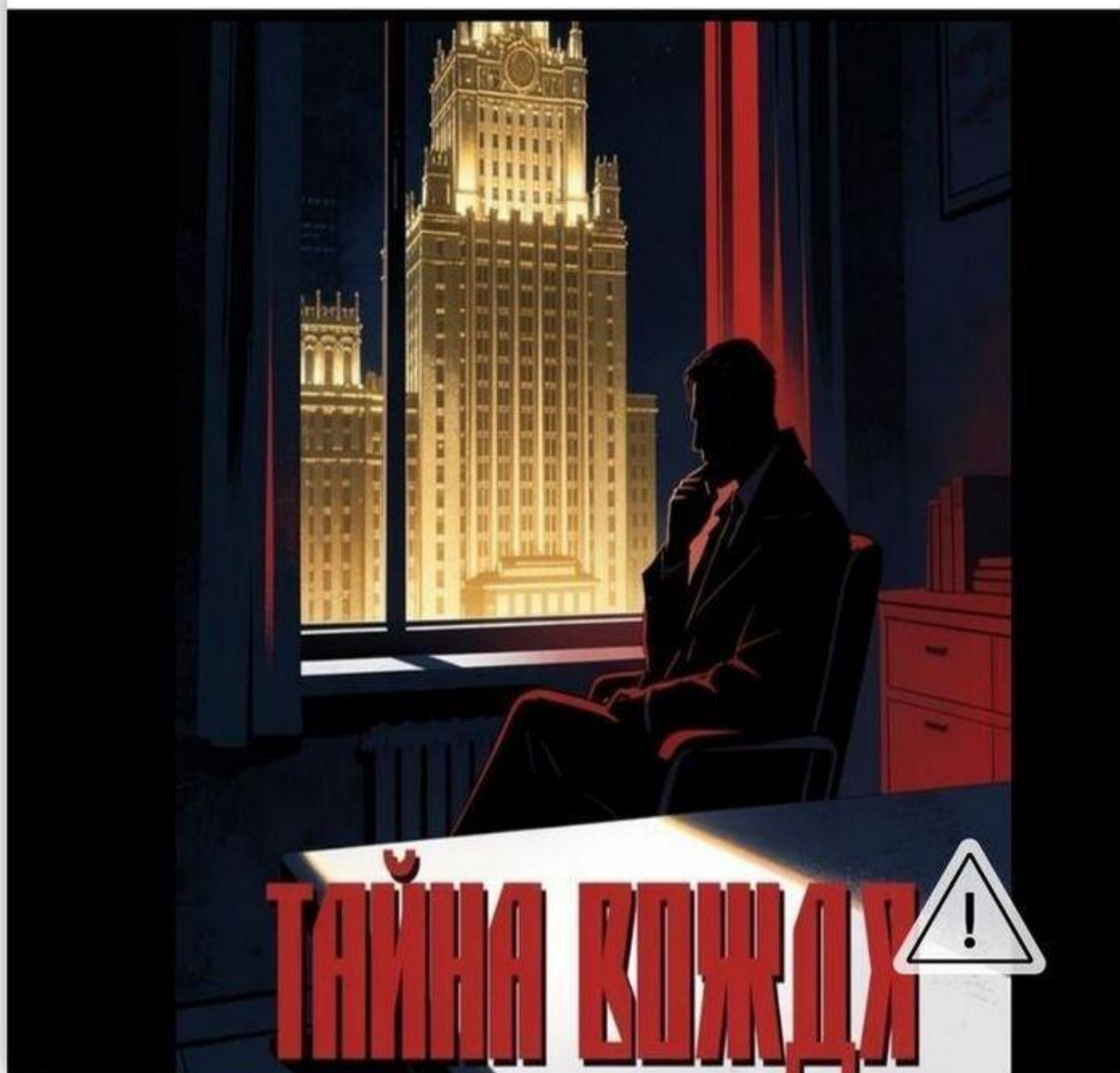

18+

ФЕДОР СЕРЕГИН

Федор Серегин

Тайна Вождя

«Издательские решения»

Серегин Ф.

Тайна Вождя / Ф. Серегин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Москва, 1973 год. С трибуны Мавзолея машет
вечно живой Вождь. Сводки МВД сообщают об отсутствии происшествий,
а в Битцевском парке находят тело девочки. Майор Семен Лосев по прозвищу
Железный Семен — лучший опер Московского уголовного розыска. Лосев
не диссидент, он не борется с системой. Он просто делает свою работу лучше
всех. Но однажды работа ставит его перед выбором, которого он избегал
долгие годы.

© Серегин Ф.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Тело	6
Глава 2. Ориентировка	11
Глава 3. Ночная смена	19
Глава 4. Облава	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тайна Вождя

Федор Серегин

© Федор Серегин, 2026

ISBN 978-5-0070-8460-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Тело

*«Вина есть не только там,
где действуют, но и там,
где бездействуют,
когда могли бы действовать»*

Запах дешевого табака и сырой суконной шинели въелись в стены моего кабинета еще при прежнем начальнике около десяти лет назад. Я сижу за казенным столом с затекшей спиной и методично вписываю фамилии задержанных в еженедельную милицейскую сводку. Дешевая ручка «Союз» периодически оставляет грязные чернильные кляксы на серой рыхлой бумаге. Кража в Московском районе числится раскрытой. Грабеж в Киевском районе отправляется в активный розыск. Убийство на бытовой почве в Черемушкинском районе успешно закрыто, а обвиняемый уже находится под стражей. Двадцать три типовых уголовных дела составляют мою обычную еженедельную норму.

Черная картонная тарелка радиоточки привычно бубнит под самым потолком. Диктор с хорошо поставленным бархатным голосом зачитывает официальную криминальную сводку за прошедшие сутки. Таким глубоким голосом можно рекламировать газировку или советские пылесосы.

«За истекившие сутки на территории города Москвы и Московской области чрезвычайных происшествий не зарегистрировано. Органами милиции раскрыто двенадцать преступлений, из них: три кражи, два грабежа, одно убийство на бытовой почве. Социалистическая законность торжествует».

Я поднимаю глаза на динамик и думаю о скрытой от граждан статистике. Радио никогда не сообщает, сколько неопознанных криминальных трупов лежит сейчас в холодных моргах, и сколько пропавших без вести детей мы равнодушно спишем по удобной категории «ушли из дома». Я оставляю эти крамольные мысли при себе, потому что пустая рефлексия никогда не входила в мой профессиональный профиль.

В коридоре раздаются тяжелые шаркающие шаги дежурного капитана Колесникова. Дверь моего кабинета открывается без стука, и капитан замирает на пороге, крепко ухватившись рукой за дверной косяк. Его серое помятое лицо и глубокие темные мешки под глазами выдают хронический недосып дежурной части. Колесникову едва исполнилось сорок лет, но он выглядит на все пятьдесят.

— Там нашли девочку, майор, — говорит он совершенно глухим голосом и делает тяжелый выдох. — Битцевский лесопарк, недалеко от северного входа.

Я откладываю ручку, и она медленно катится по наклонной столешнице к чернильнице.

— Какой возраст у погибшей?

— На вид около двенадцати лет. — Колесников намеренно отводит взгляд в сторону.

— Наша районная опергруппа уже работает на месте происшествия, дежурный следователь из городской прокуратуры тоже выехал.

Я встаю из-за стола, снимаю с деревянной вешалки свою тяжелую влажную шинель и привычно рассовываю по карманам служебное удостоверение, портсигар и старую армейскую финку. Я достаю из кожаной кобуры табельный пистолет Макарова, проверяю полный магазин, убеждаюсь в наличии патрона в патроннике и возвращаю оружие на место. Уголовные дела с участием детей всегда оказываются хуже любого другого варианта, но я давно завязал с лишними эмоциями и просто делаю свою работу.

— Кто именно обнаружил тело? — спрашиваю я по пути к выходу из кабинета.

— Парковый сторож совершал вечерний обход территории и сразу позвонил в отделение. Местный участковый приехал первым и подтвердил информацию.

Я коротко киваю и выхожу в пустой коридор. Люминесцентные лампы дневного света противно и монотонно гудят над головой, вызывая привычную тупую боль в висках. Я прохожу мимо закрытых дверей пустых кабинетов, минуя приемную заместителя начальника Гурова, и спускаюсь по лестнице на первый этаж. Совсем молодой сержант вытягивается по стойке смирно у самого выхода из управления.

— Доброй ночи, товарищ майор.

— Доброй ночи, сержант.

Мой служебный «Москвич» покорно ждет у крыльца. Машина служит мне верой и правдой уже четыре года, и я поддерживаю ее в идеальном состоянии: серый кузов остается чистым, а лобовое стекло не имеет трещин. Я сажусь на водительское сиденье и поворачиваю ключ в замке зажигания. Двигатель заводится с пол-оборота. Я не трачу время на долгий прогрев мотора и сразу выезжаю на ночную улицу.

Передо мной лежат пустые и темные улицы октябрьской Москвы. Автомобильные дворники с тихим скрипом резины методично смахивают мелкую осеннюю морось с лобового стекла. Я выруливаю на широкое Садовое кольцо и направляюсь на юг столицы. Справа проплывает ярко освещенная витрина дорогой кондитерской на Крымском мосту. Внутри помещения сейчас абсолютно пусто. Я регулярно захожу в эту кондитерскую по своей красной карточке особого доступа за швейцарским шоколадом, эклерами и кофе с молочной пеной. Я ем этот дефицитный сладкий паек, а потом возвращаюсь в свой прокуренный кабинет и равнодушно смотрю на фотографии пропавших детей.

У круглосуточного гастронома на углу стоит длинная очередь из женщин в теплых платках и пальто с поднятыми воротниками. Они зябнут на пронизывающем холодном ветру ради куска мяса или банки дефицитного кофе. Моя жена Вера тоже часто стоит в подобных очередях. Я задерживаю на них долгий взгляд, а затем отворачиваюсь к дороге. Город кажется тихим и мирным, но это иллюзорная тишина тотального государственного контроля и постоянного напряжения. Я живу в этой глухой тишине последние пять лет, с тех самых пор, как сделал вид, что окончательно поверил в официальную гибель моего родного брата Виктора.

Я сворачиваю с проспекта к Битцевскому парку и сбрасываю скорость. Возле центрального входа уже стоят милицейские оперативные машины. Грязный служебный УАЗ соседствует с новой блестящей «Волгой» прокуратуры без единой царапины на черном кузове. Я паркую свой автомобиль поодаль у обочины и выхожу наружу.

Резкий холодный воздух немедленно бьет в лицо. Густой запах прелой листвы и сырой земли смешивается с выхлопными газами автомобилей. Совсем молодой милиционер с красными от холода щеками преграждает мне дорогу у натянутой ленты оцепления. Он вытягивается в струнку и поднимает воротник шинели.

— Товарищ, сюда нельзя проходить, — говорит он заученным строгим тоном. — Здесь работает оперативная группа уголовного розыска.

Я молча достаю из кармана и раскрываю красное удостоверение. Сержант вглядывается в золотое тиснение, меняется в лице и быстро отступает в сторону.

— Проходите, товарищ майор.

Мокрый гравий громко хрустит под подошвами моих ботинок. Темная аллея уводит глубоко в парковую чащу, а редкие фонари дают лишь прерывистый нервный свет. Влажные ветви старых деревьев низко нависают над головой, и с них постоянно падают холодные капли. Впереди двигаются неясные силуэты людей в ярком направленном пятне переносного прожектора. Штатный фотограф Сухов методично снимает мокрую траву со вспышкой, а криминалист перебирает металлические пинцеты в своем раскрытом чемоданчике. Двое оператив-

ников курят в стороне и мгновенно замолкают при моем появлении. Один из них коротко кивает в знак приветствия.

Я подхожу к ним вплотную.

— Что мы имеем на данный момент? — спрашиваю я вместо приветствия.

— Сторож нашел тело на обходе и сразу позвонил в отделение, — отвечает один из оперов сквозь сизое облако сигаретного дыма. — Районный участковый приехал первым, оградил территорию и ничего не трогал. Тело лежит в первозданном виде.

— Кто работает от лица прокуратуры?

— Прокурорский следователь Трошин, вон там у дерева стоит.

Трошин курит возле толстого ствола старой липы в стороне от основной группы. Он носит дорогое импортное пальто с каракулевым воротником и модную меховую шапку-пирожок. Его холеное гладкое лицо выражает крайнюю степень досады на ночной холод. Он замечает мое приближение, но даже не пытается кивнуть в знак уважения.

— Майор Лосев из Московского уголовного розыска, — представляюсь я и останавливаюсь в двух шагах от него.

— Я в курсе вашей личности, — Трошин медленно выпускает дым через нос с явным пренебрежением. — Я вызывал на место своих людей, а не городское управление.

— Но приехал именно я.

Следователь смерит меня недовольным взглядом. В его глазах мелькает раздражение человека, которому мешают быстро закончить неприятную работу и уехать в теплый кабинет.

— Здесь предельно ясная картина, майор. Двенадцатилетняя девочка по имени Аня Стеклова. Парковый сторож обнаружил тело около двух часов назад без малейших визуальных признаков насилия. Мать работает на местном химкомбинате, родители находятся в официальном разводе. Это классическая бытовуха, и я сам напишу итоговое заключение.

— А я составлю свой собственный рапорт, — отвечаю я непререкаемым тоном.

Трошин замолкает на секунду, бросает тлеющий окурочок в мокрую траву и тщательно растирает его носком дорогого ботинка. Он молча разворачивается и идет к своей теплой «Волге», не оборачиваясь. Я направляюсь прямо к освещенному телу.

Девочка лежит на правом боку со слегка поджатыми ногами и вытянутыми вдоль туловища руками. Школьная форма остается абсолютно целой, коричневое платье не испачкано грязью, а черный передник лишь немного съехал набок. Обе туфли находятся на ногах. Светлые волосы заплетены в косу, но лента потерялась, и влажные пряди разметались по земле. Отсутствуют любые следы борьбы, сопротивления или волочения.

Судмедэксперт Гольдберг стоит рядом с телом в натянутых резиновых перчатках. Этот сутулый человек в толстых очках с сильными диоптриями работает очень грамотно и никогда не лезет в чужие дела. Сейчас он держится непривычно скованно и старается не подходить слишком близко к умершей девочке.

— Какое примерное время смерти? — спрашиваю я.

— Около восьми или десяти часов назад, — отвечает Гольдберг и упорно смотрит себе под ноги. — Я сужу по степени трупного окоченения и падению температуры. Девочку привезли сюда уже мертвой. Следов волочения по земле нет, значит, ее аккуратно несли на руках.

Я опускаюсь на корточки и касаюсь холодной влажной земли. Прожектор ярко освещает спокойное бледное лицо ребенка с приоткрытыми губами и слипшимися ресницами. Внутри моей грудной клетки что-то болезненно сжимается, но я заставляю себя отодвинуть эмоции в сторону. Я нахожусь здесь исключительно для фиксации улик.

Я провожу рукой вдоль ее левого плеча и осторожно сдвигаю край мокрого рукава.

На бледном предплечье виднеется тонкий профессиональный хирургический шов. Такие аккуратные ровные стежки делают только квалифицированные хирурги в условиях хорошего

стационара. Это не кустарная работа пьяного маньяка в грязном подвале. Я уже видел подобную ювелирную работу в закрытых медицинских отчетах пять лет назад.

Я поднимаю жесткий взгляд на эксперта. Гольдберг нервно сглатывает, и его острый кадык дергается над воротником рубашки.

— Вы обратили внимание на этот след? — спрашиваю я прямо.

— Да, — он снимает очки и начинает судорожно протирать линзы полой халата. Его обнаженное лицо сразу становится беззащитным и старым. — Это качественный хирургический шов. Так не зашивают резаные раны в полевых условиях.

Я продолжаю тщательный осмотр и сдвигаю влажный воротник школьного платья на шее. Чуть выше линии позвоночника темнеет крошечная синеватая точка с характерным желтым ободком старого синяка. Это неопровержимый след от прицельной глубокой инъекции толстой медицинской иглой.

Гольдберг тоже неотрывно смотрит на эту точку. Он больше не пытается отводить глаза в сторону.

— Вы же прекрасно понимаете, что мы видим перед собой не обычный послеоперационный шов? — тихо произношу я.

— Я сталкивался с подобным ранее, — отвечает эксперт сдавленным полусшепотом. — Меня дважды вызывали в закрытый военный госпиталь к взрослым пациентам с похожими следами. Но мне никогда не докладывали о сути проводимых процедур. Я только констатировал смерть.

Я медленно выпрямляюсь во весь рост. Следователь Трошин уже греется в салоне своей машины, а оперативная группа спешно сворачивает кабели и осветительное оборудование. Никто из милиционеров не хочет задерживаться в сыром холодном лесу дольше положенного времени.

— Не вносите эти специфические детали в предварительный протокол осмотра, — приказываю я Гольдбергу.

Он понимающе кивает головой, стягивает резиновые перчатки и прячет их в карман. Он молча идет к своему служебному автомобилю, но внезапно останавливается и оборачивается. Он явно хочет добавить что-то важное, но страх оказывается сильнее профессионального долга. Эксперт машет рукой и садится в салон.

Я стою над телом Ани Стекловой еще минуту. Двенадцатилетняя девочка в школьной форме получила хирургический шов и пункцию позвоночника перед тем, как оказаться выброшенной на мокрую траву. Я достаю сигарету и закурываю только со второго раза из-за замерзших непослушных пальцев. Дым смешивается с запахом ночного леса. Где-то за деревьями глухо шумит Москва — огромная столица победившего социализма.

Я сажусь в свой «Москвич» и завожу остывший двигатель. Вторая сигарета прикуривается от тлеющего окурка первой. Я кладу руки на холодный руль и думаю об увиденном шве. Аналогичное дело я закрыл пять лет назад ради сохранения собственной жизни и заключения сделки с кураторами. Тогда мне было что терять.

Выжимаю сцепление, включаю передачу и выезжаю с грунтовой дороги на асфальт. Обратный путь всегда кажется сильно короче. Я опускаю боковое стекло на пару сантиметров, и резкий ветер бьет мне по глазам. Гольдберг осознал правду и промолчал исключительно из страха. Если старый опытный судмедэксперт, ежедневно работающий с десятками трупов, так откровенно боится этих следов, значит, за этой смертью стоят очень серьезные люди.

На пустом перекрестке у Ордынки я останавливаюсь на красный свет светофора и смотрю на свое отражение в зеркале заднего вида. На меня смотрит Железный Семен с глубокими тенями под глазами. Я вижу человека, который давно променял справедливость на спокойствие и спецпак. Я задаю своему отражению безмолвный вопрос об усталости от постоянного притворства. Зеленый свет загорается, и я нажимаю на педаль газа.

Дежурный Колесников клюет носом за своим столом, когда я возвращаюсь в управление. Я прохожу мимо него без лишнего шума и поднимаюсь на свой этаж. В кабинете все остается по-прежнему: серый свет, вьевшийся запах табака и молчащая радиоточка. Поверх разложенных вечерних сводок белеет короткая записка от заместителя начальника. Я узнаю размашистый почерк подполковника Гурова.

«Лосев. Дело Стекловой — НЕ РАЗДУВАТЬ. Зайди ко мне утром. Гуров».

Слово «не раздувать» написано большими заглавными буквами с сильным нажимом. Гуров никогда не писал подобных инструкций открытым текстом. Видимо, он сильно торопился или получил жесткий приказ сверху. Я отодвигаю записку на край стола.

Рядом со сводками лежит свежая милицейская ориентировка. Десятилетний мальчик Сергей Кольцов с испуганными глазами смотрит на меня с нерезкой черно-белой фотографии. Ребенок официально ушел из дома три дня назад. Обычно мы списываем такие удобные случаи без активного розыска и не портим отчетность.

Я не выбрасываю этот лист в корзину и не пишу дежурную резолюцию. Просто убираю бумагу в нижний ящик стола до наступления утра. Затем придвигаю к себе тяжелый телефонный аппарат и уверенно кручу диск. Линии нашего ведомства всегда прослушиваются, но у меня не остается времени на излишнюю осторожность. Гольдберга могут изолировать к утру, или Трошин напишет стерильное заключение.

— Слушаю, — раздается в трубке глухой хриплый голос Михаила после третьего гудка.

— Это Лосев. Мне требуется твоя неофициальное независимое мнение.

Михаил тяжело вздыхает на другом конце провода. Я физически ощущаю его страх через телефонную трубку.

— Ты просишь осмотреть тело?

— Да. Двенадцатилетняя девочка. На теле имеются странные следы: хирургический шов и пункционная инъекция. Официальное вскрытие назначено на завтрашнее утро, но я хочу получить твое независимое мнение.

— Ты прекрасно понимаешь степень риска, Семен, — говорит лаборант после долгой паузы. — Мой доступ в морг совершенно не рассчитан на посторонних людей.

— Никто не узнает о моем визите, — отрезаю я.

— Приходи завтра глубокой ночью, когда все врачи уйдут по домам, — сдается Михаил и вешает трубку.

Я кладу телефон на рычаг. Механизм запущен, и шестеренки пришли в движение. Раньше я всегда отступал перед подобными препятствиями и оправдывал свое бездействие заботой о судьбе брата. Теперь этот предохранитель окончательно сломался.

Гашу настольную лампу, надеваю сырую шинель и выхожу из кабинета. Сажусь в свою машину и еду по спящим улицам домой. Девочка с аккуратным швом на предплечье перестала быть для меня просто очередной закрытой статистикой, и завтрашний день обещает стать переломным.

Глава 2. Ориентировка

Я прихожу в управление еще затемно и специально не зажигаю верхний свет. Настольная лампа с зеленым стеклянным плафоном бросает тусклый желтый круг на разложенные документы. Рассвет за окном начинается медленно, серое октябрьское небо не обещает солнца, и город просыпается с большим трудом.

Я выдвигаю нижний ящик стола и достаю вчерашнюю милицейскую ориентировку. Лист шершавой бумаги ложится на зеленое сукно поверх старых сводок. Я прекрасно помню каждое напечатанное слово, но просто хочу держать эту фотографию перед глазами. Круглое детское лицо, испуганные глаза и темная куртка. Текст сухо гласит, что десятилетний Сергей Кольцов ушел из дома три дня назад. Я смотрю на фотографию несколько долгих минут, а затем убираю бумагу обратно в стол. Время для этого дела еще не пришло, и я должен действовать последовательно.

Записка подполковника Гурова продолжает лежать на самом краю стола. Я беру этот клочок бумаги, сминаю его в плотный комок и бросаю в мусорную корзину. Бумажный шар ударяется о железные прутья и проваливается на дно.

Управление постепенно оживает вокруг меня. Тяжелые двери хлопают в коридоре, телефонные аппараты начинают звонить в соседних кабинетах, и кто-то громко кашляет на лестнице. Я встаю со стула, поправляю ремень с кобурой и направляюсь к начальству.

Гуров сидит за своим просторным столом вполоборота к окну. Утренний бледный свет падает на его лицо сбоку и оставляет вторую половину профиля в глубокой тени. На полированной столешнице стоит хрустальный графин с водой, наполовину пустой стакан и свежий выпуск газеты «Правда». Подполковник держит газету обеими руками, но явно не читает напечатанный текст. Он просто смотрит в одну точку на странице и не сразу поднимает глаза при моем появлении.

— Ты пришел, Лосев, — говорит он глухим голосом и кивает на место для посетителей. — Садись.

Я опускаюсь на жесткий казенный стул с продавленным сиденьем и спокойно кладу руки на колени. Я сидел на этом стуле десятки раз и выучил скрип каждой пружины.

— Ты зачем приехал ночью на место происшествия? — спрашивает Гуров и откладывает газету в сторону. — Я же написал тебе русским языком: не раздувать это дело.

— Я совершенно не раздуваю ситуацию, — отвечаю я ровным тоном. — Тело ребенка найдено на территории моего оперативного района, и я выехал туда по стандартному протоколу. Что здесь особенного?

Он молчит несколько секунд, аккуратно складывает газету уголок к уголку и отодвигает ее на край стола. Затем он тянется к тяжелому графину и наливает себе воду. Я внимательно смотрю на его руки и замечаю мелкую дрожь в пальцах. Вода в стакане идет легкой рябью. Гуров делает большой глоток, ставит стекло обратно на поднос и тяжело смотрит на меня.

— Особенное заключается в самом факте, — повторяет он с нажимом. — Ты опытный опер, Семен. Ты прекрасно знаешь, как работает эта система. Тело ребенка без следов борьбы означает обычную бытовуху. Закрывай дело прямо сегодня и забудь о нем. Статистику управления не порть, у тебя и без того хорошие показатели раскрываемости.

— Вы говорите про статистику, — произношу я. — А что мы будем делать, если это убийство не является бытовухой?

— А чем еще оно может быть? — Гуров резко подается вперед, и его лицо полностью выходит из тени.

Глубокие мешки под глазами выдают его бессонную ночь, а плотно сжатые губы демонстрируют крайнюю степень напряжения.

— Ты увидел на теле нечто особенное? — продолжает давить подполковник. — Что-то такое, чего не оказалось в первичном протоколе осмотра?

Я понимаю бесполезность прямой лжи в этом кабинете. Гуров обладает достаточным опытом для распознавания вранья. Если я отвечу отрицательно, он сразу почувствует фальшь, а утвердительный ответ заставит его задавать опасные вопросы.

— Я не нашел ничего конкретного, — отвечаю я уклончиво. — Некоторые странности присутствуют на месте происшествия, но я пока не разобрался в деталях.

— Вот и не пытайся разбираться, — Гуров начинает раздраженно стучать указательным пальцем по столешнице. — Сдай все материалы в прокуратуру, и пусть следователь Трошин пишет итоговое заключение. У тебя хватает текущей работы. Капитан Добромиров принял твоё дело с убитым фарцовщиком, а ты даже не поинтересовался ходом расследования.

— Я обязательно поинтересуюсь.

— Вот и займись прямыми обязанностями, а эту девочку оставь прокурорским, — он стучит пальцем быстрее и резче. — Не лезь в это дело, Семен. Я говорю тебе абсолютно серьезно: не лезь туда, оно того совершенно не стоит.

— Почему я должен отступить? — спрашиваю я в лоб.

Гуров мгновенно замирает. Его палец останавливается в воздухе над столом. Он смотрит мне в глаза, и я вижу в его взгляде не привычное начальственное раздражение, а настоящий человеческий страх. Этот страх парализует его волю и заставляет дышать чаще.

— Ты сам все прекрасно понимаешь, — отвечает он севшим голосом. — Хватит валять дурака, иди работай.

Я молча встаю и направляюсь к выходу. Я успеваю взяться за холодную бронзовую ручку двери, когда Гуров бросает мне в спину последнюю фразу.

— Если что-то действительно важное вскроется в процессе передачи бумаг... держи меня в курсе.

Я оборачиваюсь и смотрю на него. Он снова уставился в передовицу газеты, но его глаза не бегают по строчкам.

— Договорились, Константин Трофимович, — говорю я и выхожу в коридор.

Люминесцентные лампы продолжают монотонно гудеть под высоким потолком. Капитан Добромиров курит дешевую папиросу у открытого окна возле лестничного пролета. Этот молодой двадцативосьмилетний оперативник уже обзавелся глубокими залысинами и суровой складкой между бровей. Он работает всегда старательно, без особого блеска, но и без откровенной халтуры. Добромиров замечает меня и по-военному выпрямляется.

— Здравия желаю, товарищ майор, — приветствует он.

— Доброе утро, капитан, — киваю я в ответ. — Подполковник сказал, что ты принял в производство мое дело с убитыми фарцовщиками.

— Так точно, принял, — Добромиров тушит папиросу о жестяной край подоконника и прячет окурок в карман шинели. — Там произошло банальное убийство на почве дележа контрабандной партии джинсов. Я практически раскрутил всю цепочку, мне осталось дожать только одного упрямого свидетеля.

— Что за свидетель фигурирует в деле?

— Девушка убитого спекулянта. Она находилась в соседней комнате за час до выстрела. Она утверждает о своей непричастности, но я совершенно ей не верю. — Капитан делает короткую паузу. — Там предельно ясная картина, товарищ майор. Вы можете не переживать за результат, я доведу дело до суда в лучшем виде. Я просто хотел ввести вас в курс.

— Я несколько не переживаю, — отвечаю я спокойно. — Продолжай работать.

Он кивает и быстро спускается по лестнице на первый этаж. Я смотрю ему вслед и прилипаю плечом к прохладной оштукатуренной стене. Добромиров не испытывает страха

перед системой, он просто делает свою понятную милицейскую работу и не лезет в государственные тайны. Когда-то давно я работал точно так же.

Я отлепляюсь от стены и иду к лестнице. Архив городского управления располагается на цокольном этаже.

Запах сухой бумажной пыли и старой масляной краски постоянно стоит в помещении архива. Лампы горят через одну, и дальние металлические стеллажи полностью тонут во мраке. Кольцов сидит за своим обшарпанным столом в окружении картонных папок. Этот бывший патрульный сержант получил пулю в бедро во время ночного дежурства, списался на бумажную работу и теперь заметно прихрамывает. Он трудится предельно аккуратно и никогда не задает оперативникам лишних вопросов. Кольцов поднимает голову от толстого журнала учета при моем приближении.

— Товарищ майор, — говорит он уважительно. — У вас появилось срочное задание?

— Здравствуй, Кольцов, — я подхожу вплотную и кладу ладони на край его заваленного бумагами стола. — Мне требуются все сводки по пропавшим детям за последние три года. Меня интересуют исключительно незакрытые дела для составления годового аналитического отчета.

— За три года накопилось много папок, — сержант тихо присвистывает. — Я могу собрать этот объем к вечеру, если сильно постараюсь.

— Собери все за один час, — приказываю я. — Я подожду здесь.

Он внимательно смотрит на меня и молча кивает. Сержант привык за пять лет моей службы, что я не повторяю просьбы дважды. Хромота совершенно не мешает ему быстро и почти бесшумно исчезнуть в темном лабиринте стеллажей. Я сажусь на шаткий деревянный стул у стены, вытягиваю уставшие ноги и закурываю сигарету.

Кольцов возвращается через сорок минут с высокой стопкой картонных дел. Папки глухо ударяются о стол и поднимают в воздух облако серой пыли. Архивариус тщательно отряхивает ладони о брюки.

— Готово. Здесь все нераскрытые дела по несовершеннолетним за указанный период. Я включил сюда бытовые побеги и настоящие исчезновения. Все документы подшиты в строгом хронологическом порядке.

— Спасибо за оперативность, — говорю я и поднимаюсь со стула.

— Товарищ майор... — Кольцов внезапно заминается и неловко переступает с ноги на ногу. — Там находится одно специфическое дело. Я положил его отдельно на самый верх стопки. Сергей Кольцов приходится мне родным племянником. Вы посмотрите его материалы... пожалуйста.

Я беру верхнюю тонкую папку. Фотография десятилетнего мальчика с испуганными глазами смотрит на меня с серого картона. Это та самая ориентировка, которая лежит в моем столе. Я открываю обложку и быстро просматриваю содержимое: заявление убитой горем матери, дата пропажи, домашний адрес. Мальчика последний раз видели возле школьного двора. В деле отсутствуют любые зацепки или показания свидетелей.

— Я обязательно посмотрю, — обещаю я и забираю всю стопку. — Спасибо за работу, Кольцов.

Он коротко кивает и сразу отворачивается к окну. Я замечаю напряженные желваки на его лице. Бывший боевой сержант, прошедший через жесткие уличные перестрелки, сейчас едва сдерживает подступающие слезы. Делаю вид, что ничего не заметил, и ухожу на свой этаж.

Я возвращаюсь в пустой кабинет и раскладываю гору папок на широком столе. Завариваю крепкий индийский чай из дежурного термоса, наливаю горячую жидкость в металлическую кружку и приступаю к методичной работе. Беру чистый лист бумаги и начинаю выписывать фамилии пропавших. Процедура требует внимания к деталям. Я фиксирую дату исчезновения, точный возраст ребенка и адрес последнего места жительства. Затем внимательно пере-

читываю рапорты участковых и вычеркиваю дела с логичным финалом. Большинство детей находятся через несколько дней у дальних родственников или задерживаются патрулями на железнодорожных вокзалах в попытке уехать на юг. Я уверенно вычеркиваю их имена из своего списка.

На белой бумаге остаются только четыре фамилии.

Эти четверо детей имеют пугающе много общего. Их возраст составляет строго двенадцать или тринадцать лет. Все они проживали в одном спальном микрорайоне на юге столицы, в квадрате между Битцевским лесопарком и станцией метро «Калужская». Все они воспитывались матерями-одиночками. Все исчезли абсолютно бесследно в течение последних двух лет.

Последней в моем коротком списке значится Аня Стеклова.

Я встаю, открываю дверцу шкафа и достаю старую потрепанную карту Москвы. Полотно пестрит масляными пятнами от пальцев оперативников. Я разворачиваю карту вверх открытых папок, нахожу нужные адреса и ставлю четыре жирные точки красным карандашом. Отметки ложатся на бумагу почти идеальным ровным кругом с радиусом около одного километра. В самом геометрическом центре этого круга располагается здание районной детской поликлиники номер семнадцать. Я обвожу здание поликлиники двойным контуром, откидываюсь на спинку стула и закуриваю новую сигарету.

Моя оперативная мысль работает предельно просто и логично. Незвестный человек отбирает подходящих детей в этом конкретном микрорайоне. Маньяки-одиночки никогда не работают с такой системной точностью и не оставляют идеальных хирургических швов. Детей забирает организованная группа со знанием медицины и доступом к личным карточкам пациентов. Они прекрасно понимают, пропажа каких именно подростков не вызовет громкого общественного резонанса.

Я снова опускаю взгляд на выписанный список. Одна фамилия вызывает у меня болезненное чувство вины. Лена Петрова пропала два года назад в возрасте двенадцати лет. Я официально вел это дело и старательно делал вид активного поиска. Когда ее измученная мать пришла в мой кабинет во второй раз, я привычно солгал о продолжающихся оперативных мероприятиях. Женщина посмотрела мне прямо в глаза и произнесла мертвым голосом: «Вы же ничего не найдете. Вы уже знаете, что не найдете». Я тогда промолчал и отвел взгляд в сторону. Она повесилась в собственной ванной ровно через неделю. До сих пор помню серое лицо этой женщины в море.

Я переворачиваю исписанный лист лицом вниз и закрываю последнюю папку. Аналитической работы на сегодня достаточно.

До официального судебно-медицинского вскрытия Ани Стекловой остается около двух часов. Я решаю заехать домой, принять горячий душ, переодеться в чистую рубашку и просто показаться жене. Вера должна видеть меня живым.

Паркую машину во дворе своего дома и поднимаюсь на третий этаж. В квартире стоит привычная тишина. Вера находится на кухне и стоит спиной к дверному проему у газовой плиты. Она методично помешивает содержимое небольшой эмалированной кастрюли. На кухонном столе лежит ровно нарезанный хлеб, стеклянная масленка, яркая пачка индийского чая со слонем и почти пустая жестяная банка сгущенки.

— Ты снова провел ночь на оперативном выезде, — констатирует она без вопросительной интонации и не оборачивается.

Я снимаю пиджак, вешаю его на спинку стула и сажусь за стол.

— Да, мы работали в парке. Опергруппа нашла тело девочки в Битце. Ее звали Аня Стеклова.

Вера медленно откладывает ложку на блюдо. Она вытирает влажные руки о кухонный передник и поворачивается ко мне. Ее лицо сохраняет видимое спокойствие, но я прекрасно знаю, каких колоссальных внутренних усилий ей стоит эта маска.

— Я ходила сегодня утром к ее матери, — говорит жена ровным голосом.

Я мгновенно замираю на стуле.

— Зачем ты туда пошла? И откуда узнала?

— Антонина Стеклова работает на одном химическом комбинате с моей родной теткой, — объясняет Вера. — Мастеру смены сообщили о смерти дочери утром, и Антонина не вышла на работу. Тетка позвонила мне и попросила зайти к ней по-соседски. Я просто хотела посидеть с убитой горем женщиной и налить ей чаю.

— И ты действительно пошла по адресу.

— Да, пошла. А что в этом криминального? — Вера гордо вскидывает голову. — Я сделала что-то плохое?

Я продолжаю молчать и напряженно смотреть на нее. Жена выдерживает мой взгляд, и я понимаю ее абсолютную неосведомленность. Она не совершила глупость намеренно. Она просто продолжает жить в иллюзорном мире обычных советских граждан, где соседка может зайти к соседке с утешением без оглядки на наружное наблюдение КГБ.

— Что именно она тебе рассказала? — спрашиваю я сухо.

— Совершенно ничего, — Вера пожимает плечами. — Она постоянно плакала и повторяла в пустоту, что Аня росла очень хорошей и послушной девочкой. Я посидела рядом и ушла через полчаса. — Жена делает паузу и пристально вглядывается в мое лицо. — Семен, объясни мне суть происходящего. Ты сейчас сидишь белый как мел.

— Ничего особенного не происходит, — я резко встаю со стула. — Просто больше никогда не ходи по таким адресам.

— Это еще почему?

— Потому что смерть Стекловой не является обычным бытовым убийством, — чеканю я каждое слово. — Это дело пахнет большой кровью, и сам подполковник Гуров до дрожи боится его трогать. За мной могут вести плотное наблюдение с этой ночи. Следовательно, за тобой тоже начнут следить после этого визита.

Вера упрямо поджимает губы. Она не закатывает истерику и не повышает голос. Моя жена всегда отличалась умом и выдержкой.

Дверь спальни открывается, и на кухню выходит наш сын Паша. Его школьная форма выглядит измятой, а русые волосы торчат в разные стороны. Он молча садится за стол напротив меня, берет кусок черного хлеба и начинает агрессивно намазывать его сливочным маслом. Он принципиально смотрит только в свою тарелку.

— Тебе вообще есть дело до моей завтрашней контрольной по алгебре? — спрашивает он с вызовом.

— Конечно, сынок, почему ты решил что мне все равно? — отвечаю я примирительным тоном.

— Да потому что тебе плевать на нас! — Паша бросает нож на стол.

Он резко вскакивает со стула и быстро уходит обратно в свою комнату. Дверь захлопывается с громким стуком. Я смотрю в пустой коридор и чувствую привычную тяжесть собственной отстраненности от семьи. Вода в чайнике на плите начинает бурно кипеть, но никто из нас не двигается с места.

— Когда уже закончится этот кошмар? — тихо спрашивает Вера.

— Кошмар этот закончится после завершения моей работы, — отвечаю я.

Я беру пиджак, надеваю его на плечи и выхожу из квартиры без прощального поцелуя.

Морг центральной городской больницы располагается в глубине просторного двора. Серое кирпичное здание с узкими окнами под самой крышей выглядит мрачно на фоне осеннего неба. Я паркую «Москвич» у обшарпанного входа рядом с грязным санитарным УАЗом и выхожу из машины. Влажный холодный воздух мгновенно проникает под одежду. Больничный двор насквозь пропитан тяжелым запахом эфира, едкой карболки и мокрого асфальта.

Я захожу внутрь и спускаюсь в подвал. В секционной горит яркий белый свет. Тело двенадцатилетней Ани Стекловой уже лежит на металлическом анатомическом столе под тонкой простыней. Однако рядом с телом стоит совершенно незнакомый мне человек вместо ожидаемого Гольдберга.

Молодой и подтянутый эксперт лет тридцати в безупречно накрахмаленном халате методично возится с блестящими инструментами. Он замечает мое появление и коротко кивает головой. Его лицо остается гладким и полностью лишенным эмоций.

— Майор Лосев из МУРа, — представляюсь я и останавливаюсь у порога.

— Я ознакомлен с составом опергруппы, — отвечает эксперт и не поднимает глаз от металлического лотка. — Я представляю окружную прокуратуру. Ваш штатный эксперт Гольдберг внезапно заболел ночью, и руководство прислало меня на замену.

— Каков диагноз моего эксперта?

— Я не располагаю подобной информацией, — сухо отрезает врач. — Мне просто выдали предписание и отправили по адресу. Мы можем приступить к процедуре?

Я молча киваю. Эксперт быстрым движением откидывает простыню и начинает работать. Его движения выглядят уверенными, формальными и лишенными лишней суеты. Острый скальпель легко входит под детскую ключицу, и длинный ровный разрез механически опускается вниз по груди. Я стою у стены, скрестив руки на груди, и внимательно наблюдаю за процессом. Эксперт проводит манипуляции в абсолютной тишине, и я тоже не произношу ни слова.

Спустя полчаса врач выпрямляет спину, снимает перчатки и начинает монотонно диктовать заключение подошедшей медсестре. Я внимательно слушаю каждое слово. Эксперт произносит фразы «острая остановка сердца» и «полное отсутствие признаков насильственной смерти». Аккуратный хирургический шов на левом предплечье полностью игнорируется и не попадает в официальный протокол. Глубокий след от пункционной инъекции в районе позвоночника также остается неупомнутым.

Эксперт либо обладает феноменальной слепотой, либо прекрасно проинструктирован кураторами. Система провернула зачистку улик с поразительной скоростью. Они изолировали честного Гольдберга за одну ночь и обеспечили стерильный протокол за одно утро. Я смотрю на умиротворенное лицо Ани и трезво оцениваю свои шансы. Если я сейчас подниму скандал и укажу на пропущенные раны, меня ликвидируют так же просто и незаметно. Но это наглое сокрытие фактов подтверждает правильность моего направления.

Я выхожу из секционной без прощания с экспертом. У меня остается еще одно важное дело на сегодня.

Домашний адрес Стекловой находится в том же злополучном микрорайоне на юге Москвы. Типовая панельная девятиэтажка уныло возвышается над пустым двором без деревьев. Разбитый ушастый «Запорожец» без всех четырех колес ржавеет у обшарпанного подъезда. Я захожу внутрь и поднимаюсь на четвертый этаж. На лестничной клетке стоит стойкий запах скисших щей и застарелой сырости. Я нажимаю кнопку звонка.

Дверь открывает женщина примерно сорока лет. На ней застиранный домашний халат, а ее русые волосы небрежно убраны под серую косынку. Глаза женщины воспалены от слез, но сейчас остаются абсолютно сухими. Она смотрит не в мое лицо, а куда-то в сторону дверного косяка.

— Антонина Стеклова? — спрашиваю я официальным тоном. — Майор Лосев, старший оперуполномоченный МУРа. Я расследую обстоятельства трагической гибели вашей дочери.

Она молча сторонится и пропускает меня в коридор. В квартире царит идеальная чистота и гнетущая пустота. Простая дешевая мебель расставлена вдоль стен, обои выпвели от времени, а на стенах нет ни единой фотографии. Только в дальнем углу на деревянной этажерке стоит прямоугольная рамка, но она повернута стеклом к стене.

— У меня крайне мало времени, — говорю я и прохожу в комнату. — Я задам вам несколько уточняющих вопросов.

Женщина покорно садится на жесткий табурет и крепко сцепляет руки на коленях. Я достаю из кармана служебный блокнот и ручку.

— Когда вы видели Аню в последний раз живой?

— За день до того, как она... — Антонина запинается на полуслове. — Она ушла в школу рано утром. Вечером она не вернулась домой. Я подумала о ее ночевке у школьной подруги. У нее есть близкая подруга Оля с пятого этажа. Я позвонила матери Ольги, и та подтвердила их совместный путь из школы. Аня сказала подруге о необходимости куда-то зайти по срочному делу.

— Куда именно она собиралась зайти?

— Я совершенно не знаю, она не поделилась планами. — Антонина произносит слова монотонно, словно читает заученный наизусть текст, и упорно не поднимает глаз.

— Аня страдала какими-либо заболеваниями в последнее время? Она проходила лечение в стационаре?

— Нет, нет. Она росла абсолютно здоровым ребенком.

— На левом предплечье вашей дочери имеется свежий хирургический шов. Вы знаете происхождение этой раны?

Она сжимает пальцы рук до побеления костяшек.

— Я.. я не знаю происхождение шва. Возможно, она случайно поранилась во время школьных занятий или на улице.

Женщина нагло и неумело врет. Хирургические нити не появляются после уличных травм. Я записываю в блокнот одно короткое слово «врет» и продолжаю допрос:

— Кто-то еще из представителей власти или медицины заходил к вам в течение последних дней?

— Нет, никто не заходил. Утром мне позвонили по телефону, и я сразу поехала на процедуру опознания в больницу.

Она наконец поднимает голову и смотрит на меня. Я вижу в ее глазах не бездонное материнское горе, а животный страх. Она боится совершенно не моего присутствия в квартире. Она смертельно боится тех людей, которые неизбежно придут после моего ухода. Я захлопываю блокнот и прячу его в карман.

— Позвоните в городское управление милиции и спросите майора Лосева в случае появления новых деталей, — говорю я напоследок.

Антонина покорно кивает головой. Я выхожу на лестничную клетку, и дверной замок за моей спиной мгновенно щелкает два раза.

Я поднимаюсь на пятый этаж и нахожу нужную дверь квартиры Ольги. На мой настойчивый стук выходит полная женщина в кухонном переднике. Она недовольно выслушивает мое представление и громко зовет дочь из комнаты. Оля выходит в тесный коридор и переминается с ноги на ногу. Эта худенькая тринадцатилетняя девчонка с двумя светлыми косичками смотрит на милиционера крайне настороженно. Я стараюсь смягчить тон и прошу ее вспомнить странности в поведении Ани в последние дни.

— Вы дружили с ней близко? — спрашиваю я.

— Да, мы дружили с первого класса, — отвечает девочка. — Мы делали домашние задания вместе и постоянно гуляли во дворе. Только Аня сильно изменилась в последние дни. Она вела себя очень странно. Она рассказывала о важном взрослом деле и постоянно хвасталась своей новой карточкой.

— О какой именно карточке?

— О красной карточке, — Оля пожимает худыми плечами. — Она говорила о ней как о настоящем пропуске и говорила, что у нее теперь есть важная карточка, как у взрослых, и ее пустят куда-то, куда другим нельзя.

— Куда она планировала проходить?

— Я не знаю точного места. Она хранила эту тайну и просто радовалась.

Красная карточка. Сердце в моей груди делает тяжелый удар. Я припоминаю случайный разговор с моим братом Виктором пять лет назад. Он неосторожно обмолвился в приватной беседе, что на их сверхсекретном медицинском объекте используют именно пластиковые красные карточки для обеспечения высшего уровня доступа. Тогда я списал эти слова на обычную ведомственную бюрократию. Сейчас ледяной холод медленно ползет по моему позвоночнику. Это совпадение выходит за рамки статистической погрешности.

Я коротко благодарю Ольгу с ее матерью и быстро спускаюсь по лестнице во двор. Сажусь на водительское сиденье своего автомобиля, но не спешу поворачивать ключ в замке зажигания. Смотрю на пустой асфальтированный двор, на низкое серое небо и на темные окна панельного дома. Девочка хранила дома ведомственный пропуск в закрытый мир, который ее методично убил.

Я возвращаюсь в управление МУРа ближе к раннему вечеру. Дежурный лейтенант протягивает мне сложенную вдвое записку от капитана Колесникова. Я разворачиваю листок и читаю короткий текст: «Судмедэксперт Гольдберг срочно переведен в закрытый военный госпиталь. Ведомственный приказ пришел сегодня рано утром, еще до начала официального вскрытия в море».

Сминаю записку в ладони и бросаю ее в урну у входа. Система начала масштабную зачистку свидетелей задолго до моего появления в секционной. Красная пластиковая карточка, идеальный хирургический шов на вене, пропавшие дети из одного конкретного района и изолированный судмедэксперт складываются в единый монолитный пазл. У меня собирается достаточно косвенных фактов для осознания масштаба. Я копаю не под маньяка-одиночку, а под серьезный режимный объект. И об этом объекте Гуров смертельно боится говорить вслух.

Поднимаюсь в кабинет и смотрю на развернутую карту с жирным карандашным кружком вокруг поликлиники номер семнадцать. Буквы фамилий начинают расплываться перед уставшими глазами. Я снимаю тяжелую трубку телефонного аппарата и набираю заученный номер.

— Алло, — раздается глухой голос Михаила после третьего гудка. Он явно ждал моего звонка.

— Все в силе, — говорю я коротко. — Жди меня на месте.

— Я полностью готов, — отвечает лаборант.

Я кладу трубку на рычаг. Скрытый механизм запущен, и обратного пути больше не существует. Гашу настольную лампу, надеваю шинель и выхожу в коридор. Мои шаги гулко отдаются в вечерней пустоте управления. Я спускаюсь по центральной лестнице, выхожу на холодную улицу, сажусь в «Москвич» и еду навстречу ночи.

Глава 3. Ночная смена

Ключ с трудом провернулся в замке зажигания, стартер сухо щелкнул, и двигатель «Москвича» завелся со второго раза. Я включил фары, выхватив из темноты кусок мокрого асфальта у управления, выжал сцепление и медленно тронулся с места. Ночная Москва лежала впереди абсолютно пустая, укрытая тяжелыми осенними облаками. Фонари на проспекте Мира горели тускло, их желтый свет дрожал в лужах, а дворники ритмично смахивали мелкую морось с лобового стекла. Резина тихо скрипела по мокрой дороге. Этот звук обычно помогал мне сосредоточиться, но сегодня он только отсчитывал время, которого у меня почти не осталось.

В зеркале заднего вида появились две круглые фары. Незнакомая машина вынырнула из бокового переулка и пристроилась сзади на расстоянии примерно ста метров. Я ехал ровно пятьдесят километров в час, никуда не торопясь. Фары не приближались и не отставали, они просто висели в серой мгле, как привязанные. Я свернул в узкий проезд между домами, сбросил скорость перед трамвайными путями и снова посмотрел в зеркало. Машина полностью повторила за мной маневр.

Это была темная «Волга». Номера терялись в темноте, но характерный силуэт угадывался четко. Раньше я бы подумал, что это банальное совпадение или паранойя уставшего опера, но сегодня я не гнал от себя плохие мысли. За мной точно установили наружное наблюдение. Кольцо начало сжиматься, и система хотела знать, куда я поеду после визита к матери убитой девочки.

Я не стал ускоряться или пытаться сбросить хвост. Я вел машину ровно, привычно переключая передачи. Если они хотят смотреть на мою спину, пусть смотрят. Им явно многое известно: о том, что я знал о пропавших детях в своем районе, что стабильно убирал ориентиры в стол и молчал. Теперь эксперт Гольдберг исчез за одну ночь, а за мной ехала правительственная машина. Система никогда не прощала любопытства, даже своим верным цепным псам.

Светофор на перекрестке загорелся красным. Я нажал на педаль тормоза и остановился. «Волга» замерла в отдалении, не приближаясь. Зеленый свет загорелся через минуту, я включил первую передачу и поехал дальше. Больничный комплекс находился в трех кварталах отсюда, и я свернул в тупиковый проезд между глухими кирпичными стенами корпусов. «Волга» осталась дежурить на проспекте. Наблюдатели не стали заезжать в тупик, им было вполне достаточно контролировать выезды.

Я припарковал автомобиль у заднего служебного входа в морг. Металлическая дверь сливалась с кирпичной стеной, над ней тускло светила лампа в проволочной сетке. Я заглушил двигатель, сунул ключи в карман шинели и вышел под мелкий холодный дождь. Воздух пах мокрой листвой, бензином и близкой зимой. Я подошел к железной двери и нажал на кнопку звонка. Официально звонок не работал уже год, но внутри висел специальный зуммер для своих. Я нажал дважды: один длинный сигнал и один короткий. Мы договорились о таком стуке с Михаилом еще прошлой осенью.

За дверью было тихо. Прошла минута, дождевые капли стекали по воротнику моей шинели. Я уже поднял руку для повторного звонка, когда массивный замок тяжело лязгнул. Дверь приоткрылась внутрь.

В проеме стоял Михаил. На нем был надет старый синий халат поверх застиранного шерстяного свитера. Лицо покрывал бледно-серый налет усталости, густая щетина пробивалась на впалых щеках. Он посмотрел на меня исподлобья, затем быстро бросил настороженный взгляд на темный двор за моей спиной.

— Заходи быстрее, — сказал он тихо.

Я перешагнул порог, стряхивая воду с плеч. Михаил сразу закрыл дверь, дважды повернул ключ в скважине и задвинул тяжелый железный засов. В коридоре горела только одна тусклая лампа под потолком, стены были выкрашены казенной бледно-зеленой краской. Запах карболки, хлорки и сладковатого формалина мгновенно ударил в нос. Этот специфический запах всегда жил здесь, он пропитывал одежду и волосы за десять минут, и его невозможно было смыть обычным мылом.

— Ты не ложился, — констатировал я, глядя на его красные глаза.

— Да, ждал твоего приезда, — ответил Михаил и пошел вперед по коридору.

Его шаги были абсолютно бесшумными благодаря стоптанным войлочным тапочкам. Я старался ступать мягко, но мои казенные ботинки все равно оставляли гулкое эхо на бетонном полу. Мы миновали ряды закрытых дверей и вошли в его подсобку. Это была тесная душная комната без окон метров в восемь. У обшарпанной стены стоял продавленный скрипучий топчан, в углу громко гудел старый холодильник. На столе пепельница, полная окурков, а рядом стояла кружка с отбитой ручкой и остатками черной заварки. Возле кружки лежала смятая пачка «Беломора». На стене криво висела выцветшая репродукция Ван Гога, звездная ночь, кажется. Михаил повесил эти желтые подсолнухи пять лет назад, когда я помог ему исчезнуть из Института и устроил на эту тихую работу.

— Будешь чай? — предложил он, кивнув на чайник.

— Нет времени на чай. Готов работать?

— Готов.

Михаил подошел к металлическому шкафчику, достал чистый белый халат и молча протянул мне. Я снял сырую шинель, повесил ее на крючок у входной двери и надел предложенный халат. Ткань стояла колом от крахмала и пахла прачечной. Михаил тем временем достал резиновые перчатки и натянул их на руки, методично расправляя каждый палец. На его правой руке под тонкой резиной четко выпирал контур старого семейного перстня.

Мы вышли из подсобки и начали спускаться по широкой бетонной лестнице в подвал. Здесь температура заметно упала, изо рта вырывались облачка пара. Свет горел намного ярче, длинные лампы дневного света гудели ровно и монотонно над головой. Мы толкнули двустворчатые маятниковые двери и оказались в секционной.

Помещение было просторным и стерильным. Стены и пол покрывал белый кафель без единого пятна. В центре стояли три анатомических стола из нержавеющей стали со специальными желобами для стока воды. На двух столах было абсолютно пусто. На третьем столе лежало небольшое тело, накрытое плотной серой простыней.

Михаил подошел к краю стола, взялся за угол простыни и откинул ее одним резким движением.

Аня Стеклова лежала на спине. Ее тело казалось фарфоровым в ярком электрическом свете, с легким синюшным оттенком на скулах. Дневной эксперт из окружной прокуратуры уже сделал свою формальную работу. На груди и животе девочки виднелся длинный, грубо зашитый суровыми нитками разрез. Она выглядела невыносимо маленькой и беззащитной на этом огромном стальном столе.

Я шагнул ближе к изголовью. Свет ламп отражался от кафеля и слегка резал глаза. Я смотрел на спокойное лицо Ани и искал внутри себя хоть каплю привычного сострадания. Мой внутренний голос молчал. Я запретил себе чувствовать жалость много лет назад, оставив только холодную профессиональную злость.

— Дневной эксперт ничего не внес в официальный протокол, — сказал я, не отрывая взгляда от лица девочки.

— Я догадывался, — глухо ответил Михаил. — Я читал копию заключения на столе у дежурного. Остановка сердца на фоне общего истощения. Очень удобный и безопасный диагноз для всех.

— Покажи мне шов на руке.

Михаил взял левую руку девочки и бережно повернул предплечье к свету ближайшей лампы. Я наклонился над столом. Шов достигал примерно пяти сантиметров в длину. Тонкие, идеально ровные стежки стягивали бледную кожу, края раны почти полностью зажили.

— Смотри внимательнее, — сказал Михаил, взял со столика широкую увеличительную лупу и протянул ее мне.

Я приставил стекло к глазам. Нитки оказались тонкими и синтетическими, хирургические узлы располагались на абсолютно равном расстоянии друг от друга.

— Это не скальпель пьяного участкового хирурга, — тихо прокомментировал Михаил над моим ухом. — Это очень тонкая ювелирная работа. Они использовали специальный инструмент и качественный дорогой шовный материал. У нас в городской больнице такого материала отродясь не было. Его выдают по спецраспределению только в закрытые клиники и военные госпитали.

— Для чего именно они делали этот разрез? — спросил я, возвращая лупу на поднос.

— Доступ к глубокой вене или артерии, — ответил лаборант, поправляя перчатку. — Возможно, они устанавливали постоянный катетер для регулярных заборов крови или специфических вливаний. Они брали у нее кровь постоянно. Много и часто. Детский организм просто не успевал восстанавливаться. Я бегло осмотрел ее внутренние органы до того, как дневной мясник зашил их обратно. Налицо все признаки тяжелой анемии и кислородного голодания.

Михаил аккуратно положил руку девочки обратно на холодную сталь.

— Теперь смотри на спину, — добавил он.

Он уверенно обхватил тело за узкие плечи и таз, после чего осторожно перевернул девочку на живот. Голова мягко повернулась набок, свет упал на тонкую шею и выступающие позвонки. Михаил указал пальцем в желтой резине на крошечную точку между позвонками в поясничном отделе.

— Вот здесь. Смотри через стекло.

Я снова вооружился лупой. Маленькая красная точка окружилась легким желтоватым венчиком старого синяка. Это был стопроцентный след от толстой иглы.

— Люмбальная пункция, — констатировал Михаил без малейших эмоций в голосе. — Классический забор спинномозговой жидкости или пункция костного мозга. Игла вошла точно между позвонками, без смещений и лишних проколов. Это не случайный медицинский укол в процедурном кабинете. Тот врач, кто это делал, имел колоссальный опыт и набитую руку. Еще есть след от инъекции в шейном отделе, но я не возьмусь предположить.

Я выпрямился во весь рост и положил лупу на металлический столик. Инструменты тонко звякнули в тишине подвала.

— Они методично выкачивали из нее стволовые клетки, — сказал я ровным голосом.

Михаил молча кивнул в ответ. Он принципиально не смотрел мне в глаза, его взгляд был прикован к крошечному следу от иглы на бледной детской спине.

— Я давно не работаю экспертом, Семен. Но такие характерные следы я уже видел своими глазами.

Я замер на месте. Холодный спертый воздух морга словно заledenел в моих легких. Я повернул голову и посмотрел на Михаила в упор.

— Где ты их видел?

— Прямо здесь. На этих самых столах, на других детских телах.

Михаил заговорил медленно, тщательно подбирая слова. Его глухой голос отражался от кафельных стен.

— Их привозили сюда глубокой ночью. На закрытых неприметных машинах, без милиции и без сопроводительных документов из прокуратуры. Мы оформляли их по указанию

сверху как неопознанных беспризорников или замерзших на улице бродяг. У всех привезенных были абсолютно идентичные следы. Аккуратные швы на венах. Следы глубоких punctий на позвоночнике. У некоторых детей попадались зажившие шрамы на груди. Всегда присутствовали признаки крайнего истощения и официальный диагноз остановки сердца.

Я слушал его страшную исповедь и просто фиксировал сухие факты.

— Сколько их было всего? — спросил я.

Михаил поднял голову и посмотрел мне прямо в лицо. Его взгляд был тяжелым, темным и бесконечно усталым.

— Намного больше, чем ты хочешь думать, Семен. За последние два года я лично насчитал около двадцати человек. Это только те, кто прошел через мой подвал в мои смены. Сколько таких детей прошло через другие районные больницы и закрытые крематории, я даже предполагать не берусь.

Двадцать детей только в одной больнице. Я моментально вспомнил свои пыльные стопки дел в кабинете и выписанные на листок фамилии. Восемь исчезновений. Четыре подходящих профиля в моем южном районе. Их было в десятки раз больше.

— Почему ты молчал все это время? — спросил я. Мой вопрос прозвучал ровно, без малейшего намека на осуждение. Я не имел морального права его судить.

— А кому мне было об этом говорить? — Михаил горько и сухо усмехнулся. — Тебе звонить? Железному Семену? Ты сам все эти пять лет стабильно закрывал глаза на милицеские ориентировки. Я прекрасно видел, как ты работал и как ты вовремя отводил взгляд от неудобных дел. Я просто хотел жить, Семен. Как и ты.

Он ударил меня правдой наотмашь, и мне нечем было крыть. Я действительно сам купил билет на этот спектакль и делал вид, что сцена пуста.

— Что они делают с телами после оформления? — спросил я, меняя тему.

— Увозят в неизвестном направлении, — ответил Михаил, потирая переносицу тыльной стороной ладони. — Через день или два приезжает санитарная машина с неприметными ребятами в штатском. Забирает тело вместе с протоколом. Официальная версия для нашего начальства — передача для захоронения в безымянной могиле за государственный счет. Куда они везут детей на самом деле, я никогда не спрашивал. Здоровее буду.

Я снова посмотрел на белую худую спину Ани Стекловой. Ей было двенадцать лет. Она хранила дома красную карточку и гордилась ею. Пропуск в светлое будущее оказался банальным пропуском в смерть.

— Переворачивай ее обратно, — приказал я.

Михаил осторожно перевернул тело на спину, взял край серой казенной простыни и накрыл девочку с головой. Белый кафель подвала снова стал стерильным, безликим и пустым.

Мы вышли из секционной в коридор. Михаил плотно закрыл двустворчатые маятниковые двери и щелкнул старым тугим выключателем. Подвал мгновенно погрузился во мрак. Мы молча поднялись по бетонной лестнице на первый этаж. Мои тяжелые ботинки снова монотонно отсчитывали серые ступени.

Вернувшись в подсобку, Михаил стянул резиновые перчатки и небрежно бросил их в мусорное эмалированное ведро под раковиной. Он тяжело опустился на скрипучий топчан, взял мятую пачку «Беломора», достал папиросу и привычно размял картонный мундштук грубыми пальцами. Спичка чиркнула о коробок с первого раза. Сизый дым поплыл к низкому потолку, смешиваясь с запахом карболки. Я снял белый халат, повесил его на деревянный стул и остался в костюме.

— Твоего знакомого эксперта убрали совершенно не просто так, — сказал Михаил, выпуская тонкую струю дыма в сторону Ван Гога. — Гольдберг старый опытный волк. Он сразу понял, на какие именно швы он смотрит в лесопарке. И он смертельно испугался.

— Я в курсе, — сказал я, подходя к раковине. — Приказ о его срочном переводе в военный госпиталь пришел сегодня ранним утром, еще до официального вскрытия.

— Они полностью контролируют систему на всех возможных уровнях, — продолжил лаборант. — От обычной районной поликлиники до руководства городского управления милиции. Ты сейчас лезешь с голыми руками прямо в пасть к дракону, Семен.

Я повернул ржавый вентиль крана. Ледяная вода с громким шипением ударила в пожелтевшую металлическую раковину. Я сложил ладони лодочкой, набрал воды и умыл лицо. Холод обжег кожу и мгновенно прояснил тяжелые мысли. Я снял со стены вафельное полотенце и насухо вытер щеки.

— Я уже нахожусь внутри этой пасти, — ответил я, бросая полотенце обратно на крючок. — Обратного пути у меня нет. Я окончательно засветился перед кураторами. Вчера вечером я опрашивал мать девочки и школьную подругу. Вера тоже ходила к Стекловым домой по своей инициативе. За мной уже пустили плотный автомобильный хвост.

Михаил перестал курить. Тлеющая папироса замерла в его руке, пепел упал на штанину.

— Вера? — переспросил он изменившимся голосом. — Ты втянул в это дерьмо собственную семью?

— Я никого никуда не втягивал. Она сама пошла к этой женщине. Из глупой человеческой жалости и желания помочь.

Михаил медленно покачал головой. Он превосходно знал, как безжалостно работает государственная машина. Он сам едва спасся от зачистки пять лет назад только благодаря моему вмешательству.

— Тебе нужно срочно думать о надежных путях отхода, — сказал он очень тихо. — Если кто-то поймет, что ты знаешь слишком много, тебя гарантированно убьют. И Веру убьют. И Пашку твоего не пожалеют.

Я подошел к столу и сел на стул напротив него. Ножки противно скрипнули по линолеуму. Я смотрел на выцветшую репродукцию и видел перед собой серую стену.

— У меня есть один сырой план, — сказал я. — Но он требует времени и везения. Мне необходимо найти железные доказательства. Найти само место проведения процедур. И найти того человека, кто непосредственно курирует отбор детей.

— Отбор курируют на самом верху. Ты сам это прекрасно знаешь с прошлого раза.

— Знаю. Но мне нужно фактическое подтверждение для передачи наверх или наружу. И мне жизненно необходимо встретиться с Виктором лицом к лицу.

Михаил раздраженно затушил окурок в переполненной стеклянной пепельнице.

— Твой гениальный брат давно мертв для нормального человеческого мира, — жестко и безапелляционно сказал он. — Он добровольно выбрал свою сытую сторону в закрытом санатории.

— Он должен ответить мне на один единственный вопрос. Вопрос о смерти нашей матери.

Михаил посмотрел мне прямо в глаза. Он уловил суть моей внезапной одержимости. Он не стал развивать эту опасную тему и просто понимающе кивнул.

— Если тебе понадобится радикальная помощь... — Михаил замялся, опустив взгляд на свои руки с вьевшейся грязью. — Есть один нестандартный способ.

Молча жду продолжения. Я никогда не тянул из него слова клещами.

— Я неофициально обслуживаю некоторые спецобъекты, — продолжил он совсем глухо, почти шепотом. — Там, где тихо сжигают иностранцев. Закрытый дипломатический крематорий для иностранных граждан с посольскими номерами и особым статусом. Я туда стабильно заезжаю пару раз в месяц. Забираю биологические отходы на утилизацию. У меня есть постоянный пропуск на территорию. Я никогда туда не лез дальше положенной зоны разгрузки. Но если нас совсем прижмет к стенке...

Он намеренно не стал договаривать фразу до конца. Это не был готовый четкий план спасения. Это было совместное осознание появившейся возможности. Дипломатический канал передачи. Узкая серая зона. Единственное место в Москве, где всемогущая система не имела абсолютного тотального контроля над каждым квадратным метром и каждым вздохом.

Я медленно кивнул, принимая информацию к сведению.

— Запомню этот вариант. Спасибо тебе.

Я встал со стула, снял тяжелую шинель с крючка и набросил ее на плечи. Ткань все еще оставалась холодной и влажной.

— Больше не звони мне по открытой рабочей линии в управление, — предупредил я.

— Я прекрасно знаю эти правила игры, — ответил Михаил.

Он поднялся с топчана и проводил меня по длинному коридору до задней металлической двери. Засов лязгнул, отодвигаясь в сторону. Дверь приоткрылась, впуская порцию уличного холода. На улице продолжал нудно моросить мелкий осенний дождь. Я шагнул в сырую темноту, и Михаил молча закрыл за мной стальную преграду.

Я дошел до своего «Москвича» и сел за руль. Выехал из темного больничного двора на широкий освещенный проспект. Черной «Волги» нигде не было видно. Они либо временно сняли плотное наблюдение, либо передали меня по невидимой эстафете другому экипажу. Сейчас это не имело абсолютно никакого значения.

Я направил машину в сторону управления МУРа. Ночь постепенно отступала, сдавая свои позиции. Небо над спящей Москвой становилось из черного мутно-серым. Знакомые контуры монументальных сталинских зданий проступали сквозь утреннюю мглу. Город медленно просыпался под звуки первых трамваев. Огромный город готовился идти на заводы, в министерства, в школы и институты. Этот город свято верил в завтрашний день и совершенно не знал, что глубоко под его чистыми улицами работает отлаженная машина, методично пожирающая детей ради неизвестной цели. И я пять лет был послушной шестеренкой этой самой машины.

В управление я приехал ровно в семь часов утра. Длинные коридоры были еще полупустыми и тихими. Пожилая уборщица в синем халате лениво мыла полы на первом этаже возле дежурки. Я коротко поздоровался с зевающим лейтенантом за стеклом и поднялся по лестнице на свой этаж.

В моем кабинете было невыносимо душно после дождливой улицы. Я подошел к узкому окну и с силой потянул вверх тугой металлический шпингалет. Форточка открылась с сухим противным скрипом. Холодный свежий воздух ворвался внутрь, шевеля бумаги на столе. Я бросил случайный взгляд вниз, на проезжую часть.

На противоположной стороне дороги, прямо под голыми ветками старого тополя, стояла черная «Волга». Она стояла идеально ровно, двигатель был заглушен. В салоне неподвижно сидели два крепких человека в одинаковых темных пальто. Они не читали утренних газет. Они не разговаривали друг с другом. Они просто смотрели на фасад управления МУРа. Смотрели точно на мои окна.

Раньше я всегда гнал от себя подобные параноидальные мысли. Я убеждал себя, что это случайная ведомственная машина ждет свое начальство. Теперь я не гнал эту мысль. Значит, они засекли меня окончательно и бесповоротно. Либо мой ночной визит в морг к Михаилу, либо подробный допрос матери Стекловой переполнил чашу их терпения. Слежка перешла в наглую, открытую фазу. Они намеренно хотели, чтобы я их ясно видел. Они демонстрировали свою абсолютную власть над моей жизнью.

Я отошел от окна и сел за свой рабочий стол. Поверх моих вчерашних стопок с делами и сводками лежал небольшой белый листок бумаги. Это была свежая записка. Я сразу узнал размашистый почерк Гурова. Буквы нервно прыгали по строчкам, шариковая ручка в нескольких местах продавила тонкую бумагу насквозь.

«Срочно зайди ко мне. Гуров».

Сняв записку в плотный комок, метким броском отправил ее на пол рядом с урной. Я не стал торопиться выполнять приказ, достал из кармана связку ключей, открыл нижний ящик стола и извлек свой личный потертый блокнот в кожаной обложке. Быстро переписал на чистую страницу два важнейших адреса: точный адрес средней школы погибшей Ани Стекловой и адрес районной детской поликлиники номер семнадцать. Сунул блокнот во внутренний карман пиджака и привычным движением поправил кобуру с пистолетом на поясе брюк.

Вышел из кабинета, запер дверь на ключ и пошел по длинному коридору к кабинету заместителя начальника.

Массивная дубовая дверь Гурова была приоткрыта на ладонь. Я толкнул ее плечом и вошел внутрь без дежурного стука.

Гуров сидел за своим огромным Т-образным столом. Сегодня он выглядел значительно хуже, чем вчерашним утром. Его одутловатое лицо покрывал бледно-серый землистый налет. Под глазами залегли глубокие темные тени, превращая его в старика. На широком лбу блестели мелкие капли холодного пота. Он не пил свой любимый чай из подстаканника и не читал свежий выпуск «Правды». Он просто сидел неподвижно, положив пухлые руки на полированную столешницу. Его короткие пальцы мелко и безостановочно дрожали.

Увидев меня на пороге, он резко вскочил. Тяжелый стул с грохотом отлетел назад и ударился о деревянные панели на стене.

— Закрой эту чертову дверь, — прошипел он.

Я спокойно обернулся и плотно прикрыл за собой створку. Врезной замок сухо щелкнул, отрезая нас от коридора. Я подошел к столу и сел на свой привычный стул для посетителей.

— Ты совсем с ума сошел, Лосев? — Голос Гурова срывался на свистящий панический шепот. — Ты вообще рассуждаешь, что ты сейчас творишь?

— Я просто работаю, — ответил я максимально ровным тоном. — Провожу стандартное дознание. Опрашиваю ключевых свидетелей по делу об убийстве гражданки Стекловой.

Гуров стремительно обошел стол и навис надо мной. От него остро пахло потом, грязной рубашкой и аптечным валидолом.

— Я тебе вчера прямым текстом приказал закрыть это проклятое дело! Русским языком приказал! Не раздувать проблему! А ты самовольно поперся к матери покойной. Ты поперся к ее школьной подруге и задавал вопросы. Твоя жена тоже туда ходила и болтала с соседями. Ты хоть понимаешь, какую кашу ты заварил за одни сутки?

Я смотрел на него снизу вверх и видел его первобытный животный страх. Этот страх был абсолютно настоящим и осязаемым. Подполковник Гуров всегда был удобным винтиком системы. Он годами сидел в теплом кожаном кресле, подписывал нужные бумажки, распределял дела и регулярно получал спецпакет в распределителе. Он никогда не хотел лезть в большую политическую игру. И теперь эта большая игра сама пришла за ним и взяла за горло.

— Дело находится в активном процессе, товарищ подполковник, — сказал я официальным языком. — В первичных показаниях свидетелей имеются серьезные неувязки. Я по долгу службы обязан их тщательно проверить. Таков милицкий протокол.

Гуров изо всех сил ударил пухлым кулаком по столешнице. Хрустальный графин с водой жалобно звякнул и подпрыгнул на столе.

— Да пошел ты к черту со своим протоколом! — истерично крикнул он, но тут же испуганно понизил голос до шепота. — Ты ничего не понимаешь, Лосев. Это была не моя личная просьба закрыть дело. Это прямой приказ.

Он многозначительно ткнул дрожащим указательным пальцем в белый потолок кабинета.

— Приказ оттуда. С самого-самого верха. Дело Стекловой закрыто окончательно. Судебно-медицинская экспертиза в лице окружного специалиста подтвердила естественную остановку сердца без признаков насильственной смерти. Тело официально передано родствен-

никам для немедленного захоронения. Все сопутствующие документы уже ушли в городскую прокуратуру. Следователь Трошин час назад подписал окончательный отказ в возбуждении уголовного дела. Всё. На этом поставлена жирная точка.

Я выдержал паузу и медленно скрестил пальцы рук в замок на коленях. Большие пальцы тихо стукнули друг о друга.

— Ваши документы ушли слишком быстро для обычной бюрократии, — сказал я, глядя ему в переносицу. — Опытного судмедэксперта Гольдберга перевели в военный госпиталь за одну ночь без объяснения причин. За мной пустили наружное автомобильное наблюдение. Прямо сейчас там внизу, под вашими окнами, стоит их черная «Волга» с двумя топтунами.

Лицо Гурова мгновенно побледнело, приобретя оттенок старого пергамента. Он отшатнулся от моего стула, тяжело обошел стол и бессильно осел в свое поднятое кресло. Он трясущимися руками достал из кармана брюк несвежий скомканный платок и принялся вытирать мокрый лоб и шею.

— Ты клинический идиот, Семен. Железный Семен, твою мать. Ты думаешь, ты самый умный опер в столице? Ты всерьез думаешь, что можешь в одиночку лбом сломать эту бетонную стену?

Он посмотрел на меня воспаленными глазами. В его взгляде стояли настоящие слезы управленческого отчаяния.

— Это они требуют твоей головы, — сказал он тихо и обреченно. — Они звонили мне сегодня ночью. На мой домашний телефон. Ты вообще понимаешь, кто имеет право звонить начальнику МУРа на домашний в три часа ночи? Секретариат Особой комиссии при Совмине! Они до секунды знают каждый твой гребанный шаг. Они знают, куда вчера ходила твоя жена и с кем она говорила. Ты хочешь, чтобы нас обоих завтра убрали в безымянный ров? Ты хочешь, чтобы твоя семья прямо сегодня пошла по этапу в лагерь?

Я молчал. Я спокойно смотрел на его трясущиеся пухлые руки с обгрызенными ногтями.

— Закрой это дело сам, Семен. Официально и красиво, — взмолился Гуров, подаваясь вперед. — Напиши подробный рапорт на мое имя. Напиши, что ты лично все перепроверил и полностью согласен с выводами следователя прокуратуры. Я немедленно подпишу эту бумагу. И мы оба навсегда забудем об этом инциденте как о страшном сне.

Он смотрел на меня с неприкрытой щенячьей надеждой. Он умолял меня спасти его жалкую номенклатурную жизнь. И заодно сохранить мою собственную.

Я медленно расцепил замок из пальцев и положил руки на подлокотники стула.

— Я не могу этого сделать, Константин Трофимович.

Гуров замер с открытым ртом. Грязный носовой платок выскользнул из его ослабевших пальцев и упал на сукно стола.

— Я уже написал свой итоговый рапорт, — солгал я абсолютно ровным и уверенным голосом. — Вчера поздно вечером. Я отправил официальную копию напрямую в городскую прокуратуру по каналам спецпочты. С прямым указанием на подозрительные медицинские улики на теле ребенка. Хирургический шов. След от глубокой пункции. Я физически не могу отозвать этот рапорт обратно. Он уже зарегистрирован во входящих документах канцелярии.

Лицо Гурова исказила жуткая гримаса животного ужаса. Он широко открыл рот, но его голосовые связки спазмировались, и он не смог издать ни единого звука. Он хватал спертый воздух ртом, напоминая выброшенную на сухой берег рыбу.

— Ты... ты уже труп, Лосев, — прохрипел он наконец, с трудом проталкивая слова через горло. — Ты просто ходячий мертвец. И меня за собой в могилу тянешь.

Я решительно встал. Деревянный стул противно скрипнул ножками по линолеуму.

— Я сейчас спасаю вашу личную репутацию, товарищ подполковник, — сказал я сухо, глядя на его панику. — Если это грязное дело завтра всплывет на поверхность, вы сможете с чистой совестью заявить кураторам, что я действовал втайне от прямого руководства. Вы абсо-

лютно ни при чем. Вы честно приказывали мне все закрыть. Вся ответственность за последствия лежит исключительно на мне.

Гуров смотрел на меня снизу вверх с нескрываемой первобытной ненавистью. Его страх моментально сменился слепой злобой загнанного в угол маленького человека.

— Пошел вон из моего кабинета, — процедил он сквозь плотно сжатые зубы. — Сдай табельное оружие и удостоверение дежурному по управлению. Ты отстранен от оперативной службы до выяснения всех обстоятельств.

Я коротко кивнул.

— Слушаюсь.

Я развернулся и пошел к выходу, взялся за холодную бронзовую ручку двери.

— Семен, — бросил Гуров мне в спину. Его сорванный голос прозвучал неожиданно жалко и тонко. — Они не пощадят никого. Беги из города, пока еще можешь ходить на своих двоих.

Я не удостоил его ответом. Вышел в пустой коридор и плотно закрыл за собой тяжелую дубовую дверь.

Длинный коридор управления по-прежнему оставался безлюдным. Я прошел ровно десять шагов по вытертой ковровой дорожке и привалился плечом к холодной оштукатуренной стене.

Точка невозврата была пройдена окончательно. Я только что нагло соврал непосредственному начальнику, намеренно отрезал себе все легальные пути к отступлению и спровоцировал государственную систему на быстрые и жесткие действия. Я официально стал врагом власти. Бумажный рапорт, о котором я уверенно сообщил Гурову, никогда не существовал в природе. Но перепуганный подполковник гарантированно доложит о нем наверх через пять минут по спецсвязи. И маховик репрессий немедленно завертится с удвоенной скоростью.

Они наивно думают, что я испугаюсь их давления. Они рассчитывают, что я послушно сдам табельное оружие дежурному и трусливо побегу прятать семью по подвалам. Если я сломаюсь и отступлю прямо сейчас, ровно через месяц в Битцевском лесопарке найдут тело следующей девочки. С таким же идеальным хирургическим швом на худой руке. И я опять запрашу милицейскую ориентировку в нижний ящик своего стола. Я занимался этим долбанных пять лет. Пять лет я исправно платил за свой относительный покой и дефицитные пайки их ничемными детскими жизнями. Хватит. Лимит компромиссов исчерпан.

Я быстро зашагал по коридору в сторону черной лестницы. У меня оставалось катастрофически мало времени. Может быть, в запасе были часы. Может быть, неполные сутки. Мне нужно было максимально форсировать события. Невидимая система уже начала активно зачищать следы своих преступлений. Судмедэксперт переведен в изоляцию. Первичные документы уничтожены и переписаны. Мать убитой девочки запугана до полусмерти. Следующей закономерной мишенью чистильщиков станет технический персонал районной поликлиники.

Спустился на первый этаж, осторожно обогнул освещенный пост дежурного и вышел через неприметную боковую дверь во внутренний хозяйственный двор управления. Прошел вдоль мусорных баков к своей припаркованной машине и быстро сел за руль.

У меня на руках оставались две тонкие зацепки. Школьная медсестра из поликлиники номер семнадцать и старый уволенный лаборант из закрытого Института, чье имя я запомнил еще со времен официальной гибели моего брата. Мне необходимо было найти этих людей до того, как отдадут приказ об их физической ликвидации.

Я завел двигатель и включил первую передачу. Мой серый «Москвич» плавно выехал со двора через задние металлические ворота на соседний переулок. Черная правительственная «Волга» с двумя топтунами осталась преданно стоять перед парадным входом в управление. Они ждали, что отстраненный майор Лосев выйдет именно там с поникшей головой.

Я вырулил на широкий проспект и уверенно направил машину на юг столицы. К детской поликлинике номер семнадцать. Подковерная игра перешла в открытую фазу. Я больше не прятался по темным углам. Я атаковал.

Глава 4. Облава

Я выезжаю со двора управления и направляюсь на юг столицы. Черная «Волга» с наблюдателями послушно выныривает из переулка и пристраивается следом. Выезжаю на Садовое кольцо, и плотный утренний поток машин помогает мне немного оторваться. Я не пытаюсь сбросить хвост окончательно, потому что это бессмысленно. Просто выигрываю несколько минут форы.

Поликлиника номер семнадцать располагается на первом этаже длинного кирпичного дома в спальном районе. Я паркую машину у главного входа, глушу двигатель и захожу внутрь. Специфический запах кварцевых ламп, хлорки и теплого молока мгновенно бьет в нос. Длинные коридоры заполнены уставшими женщинами и плачущими детьми. Резкий контраст между этой обыденной детской медициной и тем ужасом из подвала морга фиксируется в моем сознании как сухой факт.

Прохожу мимо длинной очереди в регистратуру и игнорирую возмущенные окрики за спиной. Пожилая женщина в накрахмаленном белом халате за стеклом пытается остановить меня строгим голосом. Я молча достаю красное удостоверение МУРа, разворачиваю его перед ее лицом и требую назвать номер кабинета главного врача. Регистраторша осекается, судорожно поправляет очки на переносице и указывает пальцем на второй этаж.

Я поднимаюсь по вытертым каменным ступеням, нахожу массивную дерматиновую дверь с нужной табличкой и вхожу внутрь без стука. Главный врач оказывается полным лысеющим мужчиной в мятом костюме под расстегнутым халатом. Он возмущенно поднимается из-за своего стола. Снова предъявляю удостоверение и жестко требую предоставить мне информацию о школьной медсестре Галине Смирновой.

Главврач начинает бормотать дежурные фразы про врачебную тайну, субординацию и необходимость официального запроса. Я обрываю его на полуслове, бью ладонью по столу и обещаю ему немедленный арест за воспрепятствование уголовному следствию. Мой блеф срывает безупречно. Врач бледнеет, поспешно снимает трубку внутреннего телефона и отдает тихий приказ отделу кадров.

Я получаю нужную информацию через десять минут. Медсестра Смирнова не вышла сегодня на утреннюю смену. Она позвонила в регистратуру час назад, сослалась на высокую температуру и взяла больничный лист за свой счет. Я переписываю ее домашний адрес в свой блокнот, разворачиваюсь и выхожу из кабинета. Главный врач провожает меня испуганным и очень напряженным взглядом.

Сажусь в автомобиль и еду по полученному адресу. Типовая пятиэтажная хрущевка стоит в глубине микрорайона в окружении голых осенних деревьев. Захожу в темный грязный подъезд и быстро поднимаюсь на третий этаж. Возле нужной квартиры с номером сорок два я останавливаюсь и внимательно смотрю под ноги на бетонный пол.

На площадке лежит раздавленный окурочок дорогих импортных сигарет с белым фильтром. Рядом темнеют свежие следы уличной грязи от качественных мужских ботинок с протектором, совершенно не похожих на дешевую обувь местных жителей. Я подхожу к двери и осматриваю старый накладной замок. Металл вокруг замочной скважины покрыт характерными свежими царапинами от отмычек.

Я стучу костяшками пальцев по дерматину. За дверью стоит абсолютная тишина. Соседняя дверь слегка приоткрывается, и в узкой щели появляется лицо бдительной пенсионерки. Я показываю ей удостоверение и спрашиваю про соседку из сорок второй квартиры. Пенсионерка нервно оглядывается на лестничный пролет и сообщает мне важные факты.

Галина спешно покинула квартиру около часа назад с большой дорожной сумкой в руках. Она выглядела сильно напуганной и постоянно оглядывалась. Спустя двадцать минут в подъ-

езд зашли двое крепких мужчин в одинаковых серых пальто. Они долго стучали в дверь Смирновой, возились с замком, курили на площадке, а затем быстро спустились вниз.

Я благодарю соседку за информацию и спускаюсь к своей машине. Чистильщики работают гораздо быстрее меня. Мой вчерашний визит к матери и допрос подруги убитой девочки загнали медсестру в угол. Система начала масштабную зачистку всех причастных свидетелей. Галина подалась в бега, и ее шансы выжить на столичных вокзалах или в аэропортах равняются нулю.

У меня остается вторая зацепка из вчерашнего разговора с Михаилом. Я завожу двигатель и еду на другой конец города. Уволенный лаборант из закрытого Института проживает на северной окраине в старой коммунальной квартире. Я трачу больше часа на дорогу, паркую машину у обшарпанного фасада сталинского дома и захожу в длинный коридор. Помещение насквозь пропахло жареным луком, дешевым табаком и кошками.

Нахожу нужную комнату в самом конце коридора и настойчиво стучу в фанерную дверь. Дверь открывает совершенно незнакомый небритый мужчина в грязной растянутой майке. Я спрашиваю бывшего лаборанта по имени и фамилии. Мужчина равнодушно пожимает плечами и сообщает мне предельно сухие факты.

Прежний жилец погиб в дорожно-транспортном происшествии полгода назад. Пьяный водитель грузовика насмерть сбил его на темном пешеходном переходе поздно вечером. Виновника аварии так и не нашли, уголовное дело быстро закрыли за отсутствием улик. Освободившаяся комната перешла новому жильцу по официальному ордеру от исполкома.

Молча разворачиваюсь и выхожу на сырую улицу. Это очередной логичный тупик. Государственная машина никогда не оставляет оборванных хвостов. Мой брат Виктор надежно сидит в золотой клетке закрытого санатория. Эксперт Гольдберг полностью изолирован в военном госпитале. Бывший лаборант давно лежит на кладбище. Школьная медсестра находится в бегах и скоро гарантированно пополнит статистику несчастных случаев.

Я стою у своей машины и констатирую свое абсолютное профессиональное бессилие. Я отстранен от оперативной работы, подполковник Гуров ждет моего появления для официального ареста, а наблюдатели в серых пальто могут подъехать за мной в любую минуту.

На Москву медленно опускается глубокий вечер. Улицы погружаются в сырую темноту, и вдоль дорог зажигаются редкие желтые фонари. Мне совершенно некуда идти в этом огромном городе. Моя квартира находится под плотным круглосуточным наблюдением, и мое появление там только спровоцирует силовой захват и ускорит арест Веры. Парадоксальным образом самым безопасным местом в столице сейчас является мой собственный кабинет на Петровке.

Я возвращаюсь в управление МУРа и паркую машину на служебной стоянке. Черная опермашина преданно стоит на противоположной стороне улицы, и ее пассажиры фиксируют мой приезд. Я прохожу через дежурную часть на первом этаже. Вечерняя смена милиционеров работает в обычном суетливом режиме. Дежурный лейтенант оформляет протоколы и даже не смотрит в мою сторону. Гуров давно уехал домой, и начальственный коридор на втором этаже утопает в вязкой тишине.

Открываю свой кабинет ключом, захожу внутрь и намеренно не включаю верхний свет. Сажусь за рабочий стол прямо в сырой шинели. Бледный свет от уличного фонаря падает через узкое окно и разрезает комнату ровно пополам. Я достаю из кобуры свой табельный пистолет, кладу его на зеленое сукно стола рядом с пустой металлической пепельницей и закурываю сигарету.

Я смотрю на черный эбонитовый телефонный аппарат. Очень хочу снять трубку, набрать домашний номер и услышать голос жены. Протягиваю руку, но вовремя убираю пальцы от пластика. Линия постоянно прослушивается, и любой мой разговор будет немедленно записан кураторами из Особой комиссии. Я убираю в стол фотографию брата, откидываюсь на спинку

стула и просто курю в темноте. Мое нелегальное расследование зашло в глухой тупик, и я просто жду логичного финала.

В деревянную дверь моего кабинета тихо стучат. Звук раздается робко, с очень долгой паузой, словно человек в коридоре боится собственного решения. Я не жду случайных посетителей в такое позднее время. Беру пистолет со стола, бесшумно снимаю его с предохранителя и прячу под стопку старых бумаг.

— Войдите, — говорю я громко и ровно.

Дверь медленно приоткрывается, и в полосу уличного света шагает невысокая женщина. На ней надето дешевое темное болоньевое пальто, а на голове криво сбился мокрый шерстяной платок. В руках она судорожно сжимает объемную дерматиновую дорожную сумку. Я узнаю ее с первого взгляда по фотографии из личного дела, хотя мы никогда не встречались лично. Это школьная медсестра Галина Смирнова.

Я протягиваю руку и включаю настольную лампу с зеленым плафоном. Женщина болезненно жмурится от резкого света и отступает на шаг назад. Ее лицо выглядит болезненно бледным, бескровные губы мелко дрожат, а под глазами залегли глубокие темные тени. Она выглядит насмерть перепуганной и совершенно измотанной долгим бегством.

— Как вы прошли через пост дежурного? — спрашиваю я и убираю руку от спрятанного пистолета.

— Я использовала старую повестку, — отвечает она сбивчивым шепотом и делает неуверенный шаг к столу. — Следователь из районного отделения выдал нам бланки вызова на допрос еще вчера утром, когда опрашивал всех учителей по делу Ани. Я показала эту бумагу дежурному внизу. Там дежурил молодой парень, он мельком взглянул на печать и махнул рукой на лестницу. Я долго ходила по темным коридорам и читала таблички на дверях, пока не нашла вашу фамилию.

Она опускает тяжелую сумку на пол и обхватывает плечи руками. Она пытается согреться, но ее продолжает бить крупная дрожь.

— Почему вы пришли именно ко мне? — задаю я главный вопрос.

— Вчера днем в нашу поликлинику приходили серьезные люди в штатском, — ее голос срывается и переходит в хрип. — Они изъяли все медицинские карты учеников седьмых классов у главврача и строго приказали персоналу молчать. А потом регистраторша шепнула мне по секрету, что майор Лосев из уголовного розыска задает очень опасные вопросы про медицинскую историю Ани Стекловой. Я поняла вашу роль. Вы копаете это дело. Вы единственный человек в городе, кто не боится задавать эти вопросы.

Она переводит дух и делает еще один шаг к моему столу.

— Я собрала самые необходимые вещи и ушла из квартиры, — продолжает она. — Я поехала на Курский вокзал и хотела купить билет на ближайший поезд. Но увидела там усиленные патрули милиции с собаками и двух высоких людей в серых пальто прямо у билетных касс. Они показывали мою фотографию кассирам и внимательно смотрели на пассажиров. Я поняла их цель. Они искали именно меня. Я поняла, что не смогу уехать из города живой. Мне больше некуда было идти, кроме вашего кабинета.

Я указываю ей на жесткий стул для посетителей. Она покорно садится на самый край сиденья, не снимая пальто, и смотрит на меня умоляющим взглядом. Она видит во мне спасителя, хотя я сам нахожусь в шаге от ареста.

— Рассказывайте мне все, что вы знаете о плановых медосмотрах, — требую я без лишних вступлений и успокаивающих фраз.

Она судорожно сглатывает сухой ком в горле и начинает говорить. Ее рассказ звучит как торопливая исповедь человека, стоящего на самом краю пропасти.

— Министерство здравоохранения обязало нас проводить углубленные анализы крови у школьников раз в полгода. Мы забирали образцы и отправляли пробирки в закрытую специа-

лизированную лабораторию. Если кровь конкретного ребенка содержала определенные редкие генетические маркеры, нам присылали специальное уведомление с красной печатью. Мы вызывали этих детей в отдельный процедурный кабинет якобы для проведения плановой сезонной вакцинации.

Она замолкает на секунду и достает из кармана мятый носовой платок.

— Продолжайте, Галина, — говорю я.

— В этом кабинете сидели совершенно чужие врачи из другого ведомства. Они ставили детей на особый медицинский учет и выдавали им красные пластиковые карточки. Они называли это государственной программой оздоровления нации и обещали родителям льготные путевки в лучшие санатории страны. Родители верили врачам и радовались привилегиям.

— Вы понимали истинную суть этой программы? — спрашиваю я.

— Я начала догадываться о плохом очень скоро, — она нервно вытирает нос дрожащей рукой и комкает платок. — Дети с красными карточками начинали бесследно пропадать. Сначала исчез один мальчик из пятого класса два года назад. Потом пропала тихая девочка из параллельного класса. Потом настал черед Ани Стекловой. Я видела закрытые списки кандидатов на столе у нашего главврача. Я случайно зашла в его кабинет без стука и прочитала эти фамилии.

Она поднимает на меня полные слез глаза.

— Главврач заметил мою осведомленность. Он пригрозил мне увольнением по волчьей статье и тюремным сроком, если я открою рот. Вчера я узнала про страшную смерть Ани в лесопарке. Они методично убирают всех случайных свидетелей. Главврач уже давно находится в доле и получает за это премии, а я оказалась опасным слабым звеном. Они убьют меня сегодня ночью, майор. Пожалуйста, сделайте хоть что-нибудь. Я вас очень прошу. Защитите меня от них.

Я внимательно смотрю на эту сломанную и запуганную женщину. Она наивно верит в магическую силу моих милицейских погон и могущество советского закона. Она совершенно не знает, что я официально отстранен от занимаемой должности, а мое красное удостоверение превратилось в простую картонку.

Если она сейчас выйдет из здания управления на улицу, люди в штатском перехватят ее в первом же переулке. Ее собственная квартира стала смертельной ловушкой. У меня нет никаких официальных полномочий прятать ценных свидетелей на конспиративных квартирах, и у меня нет надежных союзников в этом здании. Я принимаю единственное возможное решение в этой ситуации.

Встаю из-за стола, открываю ящик и достаю чистый бланк протокола административного задержания. Я беру ручку и быстро заполняю нужные графы стандартным почерком. Я вписываю полное имя Смирновой и фабрикую обвинение в злостном мелком хулиганстве и оказании сопротивления сотруднику милиции при исполнении служебных обязанностей. Размашисто расписываюсь в самом низу страницы и ставлю текущую дату.

Это официальное процессуальное действие является прямым и грубым нарушением приказа подполковника Гурова. Дежурный по управлению внизу обязательно зарегистрирует этот протокол в толстом журнале учета, и завтра ранним утром мое начальство получит железный юридический повод для моего немедленного ареста. Я собственными руками даю кураторам из Особой комиссии официальную бумагу для моего уничтожения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.